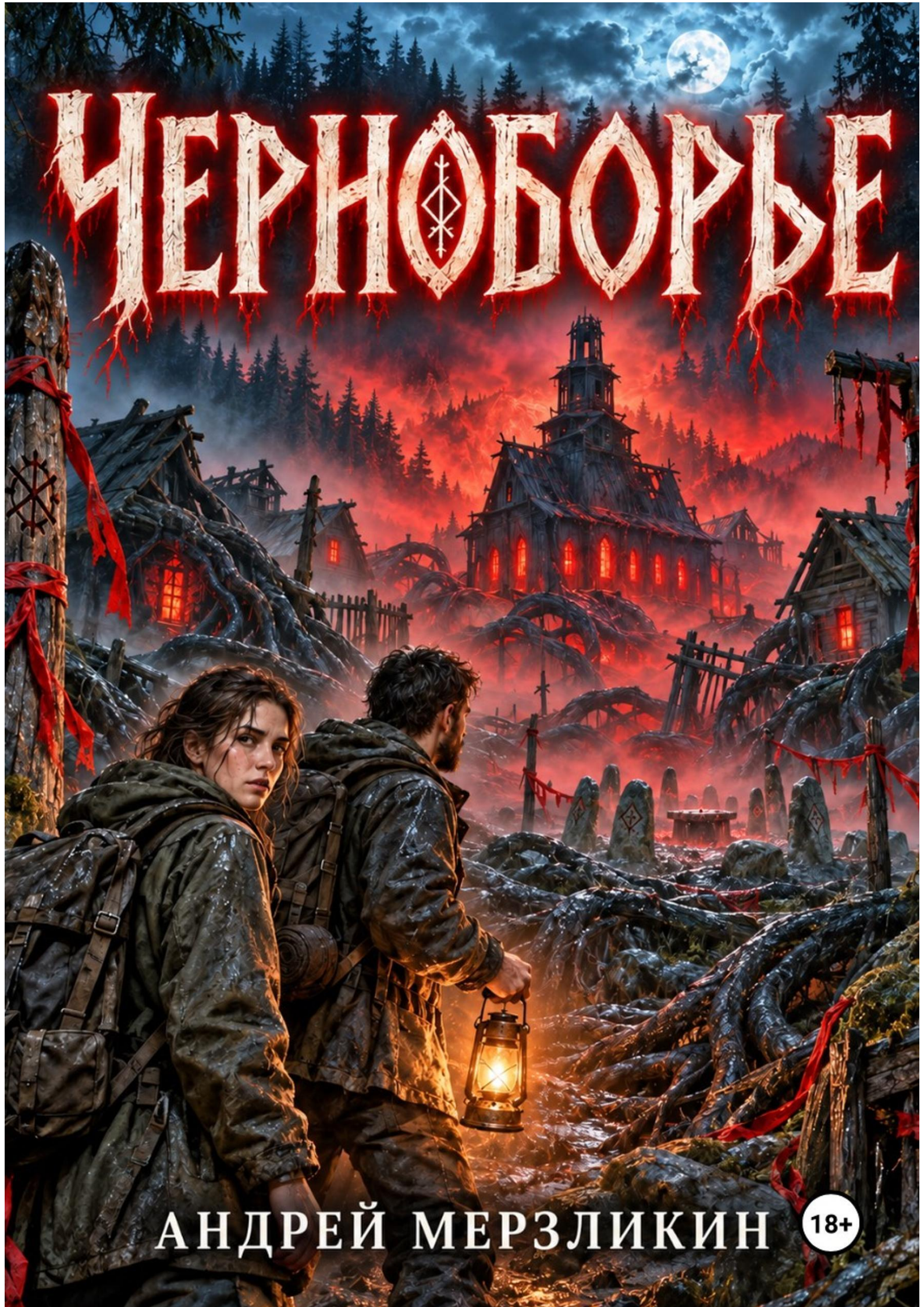

ЧЕРНОБОРЬЕ

The poster depicts a dark, atmospheric scene. In the foreground, a man and a woman, both wearing heavy, dark outdoor gear and carrying backpacks, are walking through a muddy, root-filled path. The man is holding a glowing lantern. In the background, a large, multi-story wooden church with a bell tower is illuminated from within, casting a strong red glow. The church is surrounded by dark, gnarled trees and a forest of evergreens. The sky is dark with a full moon and some clouds. The overall mood is mysterious and ominous.

АНДРЕЙ МЕРЗЛИКИН

18+

Андрей Мерзликин

Черноборье

«Автор»

2026

Мерзликин А.

Черноборье / А. Мерзликин — «Автор», 2026

Деревни Черноборье нет ни на одной современной карте. Но когда тайга стирает обратную дорогу, именно к ней выходят тридцатилетний Арсений и двадцатисемилетняя Вера. В заброшенных домах ещё тлеют печи. По ночам в окнах появляются люди в белых рубахах. Под землёй бьётся огромное сердце, а древние идолы уже вырезают на своей груди имена незваных гостей. Жители Черноборья не стареют и не умирают. За вечную жизнь они расплачиваются чужой кровью. Раз в двадцать семь лет деревне нужны двое пришлых — мужчина и женщина, способные понять, что именно у них отнимают. До начала обряда остаётся одна ночь. Чтобы выбраться, Арсению и Вере придётся спуститься под корни деревни, раскрыть тайну первых жертв и встретиться с существом, которое было древним ещё тогда, когда у людей не существовало богов. Но Черноборье не отпускает тех, чьи имена уже узнало. И иногда любовь становится самой желанной жертвой.

© Мерзликин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога, которой нет	6
Глава 2. Дом с девятью окнами	8
Глава 3. Девять имён	11
Глава 4. Летопись мёртвого леса	13
Глава 5. Красный стол	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Мерзликин Черноборье

Черноборье

Тёмное славянское фэнтези

Андрей Мерзликин

Глава 1. Дорога, которой нет

На третий день пути тайга перестала пускать их обратно.

Сначала исчезли зарубки. Арсений оставлял их на соснах каждые двадцать шагов: две короткие полосы ножом, одна над другой. Утром, когда они решили вернуться к зимовью, ни одной зарубки не оказалось. Стволы стояли гладкие, мокрые, затянутые серой корой, будто нож никогда их не касался.

— Мы вышли не к той просеке, — предположила Вера.

Она произнесла это спокойно, но слишком долго изучала компас на раскрытой ладони. Стрелка дрожала, делала круг и снова указывала туда, откуда они только что пришли.

Арсений снял рюкзак. В тридцать лет он привык доверять вещам, которые можно проверить: карте, расстоянию, заряду аккумулятора, собственным следам на грязи. Всё это разом оказалось бесполезным. Карта показывала старую лесовозную дорогу в четырёх километрах к востоку. Навигатор утверждал, что они стоят посреди белого пятна. Следы уходили между елями и обрывались у муравейника, словно двое людей дошли до него и поднялись в воздух.

— Телефон? — спросил он.

— Ничего.

Вера подняла экран. В углу горел перечёркнутый кружок. Ей было двадцать семь, и весь поход она упрямо называла экспедицией, хотя университет не дал на неё ни денег, ни разрешения. В районном архиве она нашла упоминание о деревне Черноборье, заброшенной в начале шестидесятых после пожара. В деревне будто бы сохранялись редкие обрядовые песни. Вера собирала материал для книги, Арсений снимал северные поселения для фотопроекта. Им казалось разумным объединиться.

Теперь разумным не казалось ничего.

Туман висел между деревьями на высоте человеческой груди. Ниже колен ползли белые ключья, выше чернели стволы. Ветви не шевелились. Даже комары исчезли.

— Слышишь? — спросила Вера.

— Ничего не слышу.

— Вот именно.

Вчера лес гудел мошкой, посвистывал рябчиками, трещал сучьями. Теперь стояла такая тишина, что Арсений различал мягкий толчок крови в ушах. Где-то впереди один раз стукнуло дерево о дерево.

Тук.

Пауза.

Тук.

— Дятел, — сказал он.

— Дятлы так не делают.

Звук повторился девять раз. После девятого удара справа от них проступила дорога.

Она не могла находиться там. Ещё минуту назад между соснами лежал бурелом, заросший папоротником. Теперь в тумане уходили две глубокие колеи. Вода в них была тёмно-красной от глины. По краям стояли вкопанные в землю столбы, низкие, по пояс. На каждом ножом вырезали один и тот же знак: круг, перечёркнутый тремя корнями.

Арсений присел возле ближайшего столба. Дерево почернело от времени, но надрезы выглядели свежими. В бороздках блестела густая влага.

Он провёл пальцем и сразу вытер его о мох.

— Смола?

— У сосны не бывает красной смолы.

Вера достала фотоаппарат. Затвор щёлкнул, и в наступившей тишине звук получился неприлично громким.

Из леса ответили три удара.

Тук. Тук. Тук.

Они переглянулись.

— Нам нужна крыша, — сказал Арсений. — До темноты меньше двух часов. Идём по дороге, находим любую избу, ночуем, утром выходим на юг.

— Компас не показывает юг.

— Утром покажет.

Он сказал это ради неё, но Вера поняла. Она всегда понимала, когда он лгал, и иногда это раздражало сильнее самой лжи.

Они пошли по колее. Вода под ботинками не плескалась — раздвигалась густо, как масло. Через полчаса на дороге появились следы босых ног. Узкие и широкие, мужские и женские, они тянулись из леса, вливались в колеи и шли в ту же сторону. Некоторые отпечатки были совсем свежими: на дне ещё оседала мутная взвесь.

— Здесь живут, — прошептала Вера.

— Или проходят.

— Босиком? В сентябре?

Арсений не ответил.

В сумерках дорога вывела их к полю. За стеной тумана возникли крыши, колодезный журавль, покосившаяся часовня без креста. Деревня была большой — не меньше сорока домов. Серые избы теснились вдоль единственной улицы. Окна смотрели на дорогу чёрными прямоугольниками. Ни дыма, ни света, ни человеческих голосов.

На въезде стояла арка из двух связанных берёз. С неё свисали длинные полосы красной ткани. Ветер отсутствовал, но полосы медленно поворачивались, словно следили за пришедшими.

Под аркой лежал ржавый дорожный знак.

Арсений счистил мох ботинком.

ЧЕРНОБОРЬЕ — 1

Цифру кто-то перечеркнул. Ниже процарапали другое слово:

ВНУТРИ

Вера посмотрела на карту. На месте деревни был обозначен заболоченный лес.

— Она должна быть в восемнадцати километрах отсюда.

— Значит, ошиблись координаты.

— Арсений, деревни нет с шестьдесят второго года.

За их спинами раздался последний, десятый удар.

На этот раз совсем близко.

Они вошли под арку.

Красные полосы коснулись их лиц. Ткань оказалась тёплой и влажной.

Глава 2. Дом с девятью окнами

Первую открытую избу они нашли в конце улицы.

Дверь висела на одной петле. На крыльце лежали берёзовые листья, хотя ближайшие берёзы росли у въездной арки. Внутри пахло холодной золой, сушёной мятой и чем-то сладковатым, напоминающим мясной бульон.

Арсений посветил фонарём.

Комната выглядела так, будто хозяева вышли несколько минут назад. На столе стояли две глиняные миски. На лавке лежал недошитый рукав рубахи, из ткани торчала костяная игла. В печи под слоем пепла теплился красный уголёк.

— Заброшенная, — негромко сказала Вера.

— Очень заброшенная.

Он проверил вторую комнату, чердак и погреб. В погребе висели пустые крюки, пол был посыпан солью. На стене углём нарисовали круг с тремя корнями. В центре круга кто-то оставил отпечаток ладони.

Пальцев было пять. Обычная человеческая рука. Почему-то от этого стало хуже.

Они подперли дверь лавкой, закрыли ставни и зажгли туристическую горелку. Пламя едва поднялось, хотя баллон был новым. Арсений приготовил гречку с тушёнкой. Вера съела несколько ложек и отставила миску.

— Не смотри на меня так. Я не голодна.

— С утра только батончик.

— Не могу есть в доме, где в погребе крюки.

— В деревнях на них подвешивали туши.

— Все девять?

Арсений замер.

— Ты считала?

— Здесь всё по девять. Девять столбов от арки до первого дома. Девять надрезов на косяке. Девять крюков. И дом напротив — посмотри.

Он приоткрыл ставню. На другой стороне улицы стояла длинная изба. В фасаде чернели девять узких окон. Пока Арсений их считал, в крайнем слева появилось бледное лицо.

Фонарь выпал из его руки.

— Что?

— Там человек.

Они снова посмотрели. Окно было пусто.

Арсений вышел на крыльцо, несмотря на протест Веры. Дождь прекратился. Над крышами висело мутное небо без звёзд. Луч фонаря скользнул по улице, по колодцу, по тёмным окнам.

— Эй! — крикнул он. — Есть кто-нибудь?

Голос ушёл между домами и не вернулся эхом.

В доме с девятью окнами вспыхнул огонь. Не в крайнем окне — в следующем. Тусклый красный свет горел несколько секунд и погас. Затем зажёгся в третьем.

— Назад, — сказала Вера.

Свет переходил от окна к окну, будто кто-то нёс свечу вдоль бесконечного коридора. Когда загорелось девятое, из-за дома показалась фигура.

Человек шёл медленно, босиком, в длинной белой рубахе. Лица не было видно. В руках он держал деревянное било — толстую доску на верёвках — и колотушку.

Тук.

Арсений отступил на крыльцо.

Тук.

Фигура остановилась у колодца.

Тук.

Из-за других домов вышли люди.

Их было много. Мужчины и женщины разных возрастов, но ни одного ребёнка. На всех — грубые белые рубахи с красной вышивкой вокруг ворота. Они молча становились вдоль улицы. Некоторые держали свечи. Воск стекал им на пальцы, и никто не отдёргивал рук.

Вера схватила Арсения за куртку.

— В дом.

Они захлопнули дверь и навалились на лавку. Снаружи продолжало стучать било. После каждого удара под половицами что-то отзывалось: тихий глухой толчок, будто в погребе билось огромное сердце.

На девятом ударе в дверь постучали.

— Путники, — произнёс старческий голос. — Отворите. Ночь снаружи не любит незваных.

Арсений вынул нож. Лезвие в руке казалось смешным.

— Кто вы?

— Хозяева.

— Мы думали, деревня заброшена.

За дверью тихо засмеялись. Смех подхватили на улице, но губы людей, видимых в щель между ставнями, не двигались.

— Черноборье никогда не пустовало, — сказал старик. — Оно только закрывало глаза.

— Нам нужна дорога к трассе. Утром мы уйдём.

— Утро будет, коли Подкоренник позволит.

Вера подошла ближе к двери.

— Что это значит?

— Значит, вы пришли вовремя. Давно у нас не было таких гостей. Молодых. Целых. Каждый со своей кровью.

На улице снова засмеялись.

Арсений отодвинул Веру и крикнул:

— Отойдите от дома!

— Дом принадлежит нам, — мягко ответил старик. — Как и всё, что вошло под красные ленты.

Дверь дёрнулась. Лавка закрипела по полу. Арсений упёрся плечом, ожидая нового толчка, но снаружи стало тихо.

Потом что-то зашуршало по крыше.

Шаги прошли над их головами и остановились у печной трубы.

В очаг посыпалась сажа. Вместе с ней на камни упал маленький свёрток, перевязанный красной нитью.

Вера разрезала нить ножницами. Внутри лежала человеческая фаланга, высушенная и покрытая знаками. На ногте было аккуратно выведено: А.

Арсений отшатнулся.

— Это не моя.

— Пока не твоя, — сказала Вера.

Старик за дверью услышал и ответил:

— До рассвета носите имена. После рассвета они вам не понадобятся.

По улице зазвучала песня. Голоса тянули одну низкую ноту, постепенно сливаясь с гулом под землёй. Люди уходили. Красные огни гасли один за другим.

Когда всё стихло, Арсений заметил на внутренней стороне двери надпись. Раньше её скрывала лавка.

Буквы выцарапал человек, торопившийся и часто срывавший ногти:

НЕ СПИТЕ. ДОМ СЧИТАЕТ ДЫХАНИЕ.

Глава 3. Девять имён

Они не спали.

Арсений сидел у двери с ножом, Вера — возле печи. Каждые несколько минут в стенах раздавался сухой щелчок. Сначала он решил, что остывают брёвна, потом заметил закономерность.

Щелчок возникал после девятого вдоха.

Они стали дышать неровно, задерживать воздух, разговаривать. Дом не путался. Он терпеливо ждал, когда один из них сделает девятый вдох, и отмечал его щелчком.

К двум часам ночи под лавкой набралось девять маленьких кучек древесной пыли. В каждой шевелились тонкие белые черви.

— Дом не считает, — прошептала Вера. — Он готовит.

— Что?

Она показала на косяк. Девять насечек стали глубже. Из дерева выступили капли красной жидкости.

Они решили уходить немедленно.

В задней стене оказалось окно, заколоченное снаружи. Арсений выломал две доски, порезав ладонь о гвоздь. Кровь выступила яркой полосой. Половицы под ногами содрогнулись, и из погреба донёлся протяжный вздох.

— Быстрее, — сказала Вера.

Они выбрались в огород. За плетнём начинался лес. До него оставалось шагов двадцать, но между грядками стояли девять деревянных фигур. Днём их не было.

Идолы были ростом с человека. Вместо лиц — гладкие овалы, перечёркнутые корнями. На груди каждого вырезали имя.

САВЕЛИЙ.

МАРФА.

ДЕМЬЯН.

УЛЬЯНА.

КИРИЛЛ.

ПРАСКОВЬЯ.

ЕГОР.

АГАФЬЯ.

На последнем имена менялись. Буквы медленно выступали из сырого дерева и снова уходили внутрь.

ВЕРА.

АРСЕНИЙ.

ВЕРА.

АРСЕНИЙ.

— Не смотри, — сказал Арсений.

Из-за идолов вышла женщина. Лет сорока, широкоплечая, с длинной седой прядью в чёрных волосах. Она была единственной в обычной одежде: шерстяной свитер, юбка, резиновые сапоги. В руке держала керосиновую лампу.

— Через огороды не уйти, — сказала она. — Подкоренник чует кровь.

Арсений спрятал порезанную ладонь.

— Кто вы?

— Лада. Живу здесь.

— Все так говорят?

— Живые — да.

Она подняла лампу. На её шее тянулся старый рубец, широкий и неровный, словно горло когда-то пытались перерезать тупым ножом.

— Если хотите увидеть утро, возвращайтесь в дом. До третьего пения вас не тронут.

— Чьего пения?

— Нашего. Петухов здесь давно нет.

Вера приблизилась к ней.

— Что за люди стоят на улице? Почему деревни нет на карте?

— Потому что карту рисуют для тех мест, откуда можно выйти.

— А вы вышли?

Лада коснулась шрама.

— Один раз. Дошла до города, прожила там семь лет. Каждую ночь просыпалась с землёй во рту. Потом услышала, как под асфальтом стучат корни, и поняла: Черноборье ждёт. Оно всегда возвращает своё.

— Мы не его.

— Вы вошли под ленты.

Арсений сделал шаг к лесу. Идолы повернули гладкие головы. Он остановился.

— Что им нужно?

— Две чаши крови. Мужская — земле, женская — корню. Так было до крещения, так стало после пожара, так будет, пока под часовой лежит то, что наши предки разбудили.

— Мы не станем участвовать.

— Жертва редко участвует по своей воле.

— Тогда зачем вы предупреждаете?

Лада долго смотрела на Веру.

— Потому что девять лет назад на вашем месте стоял мой муж. Я держала чашу.

Она протянула Вере лампу.

— В доме под печью есть железное кольцо. Откройте лаз и сидите тихо. Когда услышите третье пение, спускайтесь. Ход выведет к дому с девятью окнами. Там найдёте летопись. В ней написано, как закрыть Черноборье.

— Почему сами не закрыли?

— Для этого нужны двое пришлых, которых деревня уже назвала.

— Очень удобно, — сказал Арсений.

— Здесь всё удобно для богов.

В лесу затрещали ветки. Между стволами зажглись огни.

Лада отступила.

— Возвращайтесь. И что бы ни слышали снизу, не отвечайте своим именем.

— Кто будет звать?

— Те восемь, чьи имена вы прочли.

Она погасила лампу пальцами. Когда темнота рассеялась, женщины уже не было.

Идолы стояли на прежних местах. Последний больше не менял имени.

На его груди были вырезаны сразу два:

АРСЕНИЙ И ВЕРА.

Глава 4. Летопись мёртвого леса

Железное кольцо нашлось под плитой возле печи. Арсений потянул, и часть пола поднялась вместе с утрамбованной землёй. Из лаза пахло сыростью.

Первое пение началось над деревней, когда они спускались по лестнице.

Люди запели разом, без вдоха и вступления. Низкий звук прошёл сквозь стены. Где-то в глубине ответил гул. Лестница задрожала.

Под домом тянулся узкий коридор. Его стены укрепляли брёвна, оплетённые живыми корнями. На некоторых корнях висели медные колокольчики без язычков. Они звенели сами, когда Арсений и Вера проходили мимо.

— Если Лада заманивает нас, — прошептал он, — возвращаемся и пробуем лес.

— Лес уже выбрал наши имена.

— Деревяшки выбрали.

— Ты до сих пор пытаешься подобрать объяснение?

— Я пытаюсь не сойти с ума.

Вера остановилась.

— Тогда смотри.

Она направила фонарь на стену. Между корнями торчало человеческое лицо. Не череп — высохшее лицо, вросшее в глину до ушей. Глаза были закрыты. Губы шевелились.

— Арсений, — прошептало оно.

Он отшатнулся.

— Не отвечай.

Лицо повторило его имя голосом матери. Точно, до знакомой хрипотцы. Потом голос изменился, стал голосом Веры:

— Арсений, помоги.

Настоящая Вера сжала его руку.

— Я здесь.

Они пошли быстрее. В стенах появлялись другие лица. Мужские, женские, молодые, старые. Ни одного детского. Все звали их, подбирая знакомые голоса. Отец Веры просил остановиться. Погибший в аварии брат Арсения смеялся и обещал показать короткую дорогу. Люди, о которых они никогда не рассказывали друг другу, произносили слова, известные только мёртвым.

После второго пения лица открыли глаза.

Вместо зрачков в них лежали свёрнутые тонкие корешки.

Коридор вывел к люку. Они оказались в доме с девятью окнами.

Внутри не было ни комнат, ни перегородок. Всё пространство занимал один стол, собранный из почерневших досок. На нём лежала книга в кожаном переплёте. Вдоль стен горели девять красных лампад. В каждой плавала прядь человеческих волос.

Вера раскрыла книгу.

Первые страницы покрывали старые буквы, нанесённые бурой краской. Дальше шли записи дореволюционным почерком, затем — обычной синей ручкой, химическим карандашом, шариковой пастой. Летопись вели многие поколения.

«В лето, когда солнце почернело, пришёл из леса голод. Не зверь и не человек. Корнями он пил кровь из могил, и мёртвые вставали, прося ещё. Тогда дали ему девять взрослых душ, и уснул он под камнем».

Вера листала.

«Подкоренник не бог, но старше богов. Он помнит время, когда земля была мясом, а лес — её волосами».

«Каждый девятый год следует будить его малой кровью, каждый двадцать седьмой — венчать двумя пришлыми, мужчиной и женщиной. Коли не будет венчания, корни выйдут за круг и выпьют весь край».

На полях кто-то дописал: «ЛОЖЬ. КОРМИТЕЛИ САМИ СТАЛИ ЕГО РТАМИ».

Дальше находился список жертв. Девять пар за последние двести сорок три года. Имена, возраст, откуда пришли. Последняя запись была сделана девять лет назад:

НИКОЛАЙ КОСТРОВ, 38 ЛЕТ. ПРИШЛЫЙ.

ЖЕНСКАЯ ЧАША НЕ ПРИНЯТА. ЛАДА КОСТРОВА, 34 ГОДА. КРОВЬ ОТВЕРГНУТА.

ОБРЯД НЕ ЗАВЕРШЁН.

ПОДКОРЕННИК ПРОСЫПАЕТСЯ.

Ниже свежими буквами вывели:

АРСЕНИЙ ВОЛКОВ, 30 ЛЕТ.

ВЕРА ЛАДОМИРОВА, 27 ЛЕТ.

— Откуда они знают фамилии? — спросил Арсений.

Вера перевернула страницу.

Там лежала фотография. Они вдвоём стояли у въездной арки, снятые со спины. Красные ленты касались их лиц.

На обороте было написано: «Пришли после десятого удара».

— Нас ждали, — сказала она.

Под столом что-то царапнуло доску.

Арсений поднял скатерть. Внизу, прижавшись спиной к полу, лежал человек. Его руки и ноги были переломаны и вывернуты так, чтобы тело поместилось в узком пространстве. Мужчина оставался жив. Губы беззвучно открывались, глаза умоляли.

Арсений схватил его за плечо.

— Кто это сделал?

Мужчина содрогнулся. Из рта выпал медный колокольчик.

— Я девятый, — выдохнул он. — Они заставили меня помнить смерть восемь раз.

Снаружи началось третье пение.

Все лампы погасли.

В девяти окнах одновременно появились лица.

Глава 5. Красный стол

Стёкла задрожали от дыхания тех, кто стоял снаружи.

В каждом окне теснились люди. Лица прижимались друг к другу, расплющивались о стекло. Рты оставались закрытыми, но песня звучала всё громче. Она шла не с улицы — поднималась из щелей в полу.

Мужчина под столом дёрнулся.

— Развяжите, — прохрипел он.

Верёвок на нём не было. Вместо них вокруг запястий и лодыжек обвились корни. Арсений перерезал один. Из белой сердцевины брызнула тёмная жидкость. Дом содрогнулся. Лица в окнах разом повернулись к нему.

— Быстрее! — крикнула Вера.

Они резали корни вдвоём. Освобождённый мужчина не мог встать. Арсений вытащил его из-под стола и увидел на груди знак: круг и три корня, вырезанные до мяса. Рана не кровоточила. В бороздах шевелились тонкие ростки.

— Как тебя зовут? — спросила Вера.

Мужчина зажал рот ладонью.

— Не имя, — быстро сказала она. — Скажи, как тебя называть.

— Девятый.

— Где выход?

Он указал на книгу.

— Девятая страница от конца. Только кровью. Чернила лгут.

В дверь ударили. Доски прогнулись, но засов выдержал.

Вера перелистнула книгу. Девятая страница от конца казалась пустой. Арсений выдавил на неё кровь из пореза. Буквы проступили мгновенно, словно давно ждали под кожей пергамента.

«Не корми его. Назови девять имён в обратном порядке. Отдай земле то, что деревня украла. Разомкни круг там, где первый корень пьёт из первой чаши».

— Какие имена? — спросил Арсений.

— С идолов. Савелий, Марфа... Я запомнила.

— В обратном порядке, — сказал Девятый. — Но девятое имя стёрто. Моё.

— Ты не помнишь?

— Они забирают имя, когда убивают в первый раз.

Дверь треснула. В щель просунулась рука. Пальцы шарили по воздуху, ногти скребли стол.

Арсений ударил ножом. Рука отдёрнулась. На лезвии вместо крови остался древесный сок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.